

**РАН
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ**

На правах рукописи

АДЕЛЬГЕЙМ Ирина Евгеньевна

**ПОЛЬСКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА
МЕЖВОЕННОГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ**

**Специальность 10.01.05 -
Литературы народов Европы, Америки и Австралии**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 1995 г.

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ**

На правах рукописи

АДЕЛЬГЕЙМ Ирина Евгеньевна

**ПОЛЬСКАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОЗА
МЕЖВОЕННОГО ДВАДЦАТИЛЕТИЯ**

Специальность 10.01.05 -

Литературы народов Европы, Америки и Австралии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва - 1995

Работа выполнена в Институте славяноведения и балканистики
Российской Академии Наук.

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук, профессор **Е.З.Цыбенко**
кандидат филологических наук **О.Р. Медведева**

Ведущая организация - кафедра славянской филологии
факультета иностранных языков Московского государственного
университета.

Защита диссертации состоится " 30 " ноября 1995 г. в 15⁰⁰
часов на заседании специализированного Совета Д.002.97.01
в Институте славяноведения и балканистики РАН по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект, дом 32-а, корпус "В", 9-й
этаж.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
славяноведения и балканистики РАН.

Автореферат разослан "26" октября 1995 г.

Ученый секретарь

специализированного совета

кандидат филологических наук _____ /М.И.Ермакова/

Предлагаемая работа представляет собой попытку описания развития польской психологической прозы межвоенного двадцатилетия.

Объектом исследования являются прозаические произведения этого периода примерно сорока польских писателей.

Существенным представляется то, что задача работы, о которой говорится ниже не позволяла ограничить круг исследования лишь прозой так называемого "первого ряда".

Актуальность исследования. В отечественном литературоведении существуют исследования, систематизирующие историко-литературный процесс межвоенной Польши в целом или останавливаясь лишь на прозе. Это, прежде всего, работы В.А.Хорева: глава "Литература 1918-1944 годов" в "Истории польской литературы" (М.,1969); "Становление социалистической литературы в Польше" (М.,1979); "Польская литература 1918-1944" (в "Истории зарубежных литератур" М., 1969). Кроме того, следует назвать диссертацию на соискание степени доктора филологических наук С.Ф.Мусиенко "Реалистический роман в польской литературе 20-30-х гг." (М.,1993). Творчеству отдельных писателей межвоенного периода посвящены монографические исследования В.В.Витт ("Стефан Жеромский". М.,1961), Я.В.Станюкович ("Реализм Марии Домбровской". М., 1974), С.Ф.Мусиенко ("Творчество Зофы Налковской". М., 1979), а также статьи О.Р.Медведевой ("Между людьми и звездами на небе (о творческом методе Я.Ивашкевича в прозе 20-30х гг.) в сборнике "Реализм в литературах стран Центральной и Юго-Восточной Европы первой трети XX века". М.. 1984) и А.Базилевского ("Витольд Гомбрович: "Боязнь нежизни". // "Иностранная литература" N 4).

Однако фундаментальных, исторически объективных работ, посвященных проблемам польской психологической прозы межвоенного периода, ни польском, ни в отечественном литературоведении нет.

Специально проблемы психологизма в польской прозе касались Л.Помировский в книгах "Борьба за новый реализм" и "Новая литература в новой Польше" (1), И.Фик в работе "Двадцать

1. Pomirowski L. Walka o nowy realizm. W., 1933; Pomirowski L. Nowa literarura w nowej Polsce. W., 1933.

лет польской литературы. 1918-1938" (1), К. Чаховский во втором томе своей "Картины современной польской литературы" (2).

В 1949 г. на IV съезде полонистов была также сделана попытка научного исследования межвоенного психологизма в совместном докладе Я.Ю. Липского, Я. Страдецкого, Я. Вильхельми и К. Зажецкого (3). Авторы на примере нескольких образцов польской психологической прозы выделили основные ее черты: психологическое понимание действительности, чуждость собственно этической проблематики, специфику конструкции, язык и т.д. С. Выслоух в книге "Проза М. Хороманьского" (4) и статья "Творчество Хороманьского в контекст межвоенного психологизма" (5) дает широкий контекст психологической прозы двадцатых-тридцатых годов. Проблем межвоенного психологизма касается и Э. Фронковяк-Вегандтова в книге "Искусство Налковской романистики" (6).

Интересующая нас проблема вклада Польши в мировую литературу, вообще критериев значимости опыта той или иной культуры ставилась В. Фельдманом в "Современной польской литературе. 1864-1923" (7), К. Выкой в статье "Польская литература 1890-1939 гг в европейском контексте" (8), Л. Эустахевичем в книгах "Двадцатилетие. 1919-1939" и "Между современностью и

1. Fik I. 20 lat literatury polskiej (1918-1938). Wr., 1949, s.165.

2. Czachowski K. Obraz współczesnej literatury polskiej. 1884-1933. t.2. Neoromantyzm i psychologizm. W., 1934.

3. Lipski J.J. i inni. Psychologizm w prozie dwudziestolecia międzywojennego (1918-1939). //Twórczość, 1950, N 2.

4. Wysocki S. Proza Michała Choromańskiego. Wr., 1977.

5. Wysocki S. Twórczość Choromańskiego wobec międzywojennego psychologizmu // Pamiętnik Literacki. 1975, z.1.

6. Frackowiak-Wiegandtowa E. Sztuka powieściopisarska Nalkowskiej (lata 1935-1954), Wr., 1975.

7. Feldman W. Współczesna literatura polska 1864-1923. Lw., 192-.

8. Wyka K. Literatura polska 1890-1939 w kontekście europejskim. // K. Wyka. O potrzebie historii literatury. W., 1969.

историей" (1).

Из современных польских критиков наиболее тесно связана с проблематикой данной работы книга В.Мачонга "Наш XX век. Основные идеи польской литературы" (2), где критик рассматривает феномен субъективности и связанные с ним явления, а также разделы, посвященные прозе в исследовании Е.Квятковского "Литература двадцатилетия" (3) и первом томе книги П.Кунцевича "Агония и надежда. Польская литература после 1918 года" (4).

Этим, а также фактом интереса современной культуры и науки к феномену передачи и понимания психологической информации и основополагающей роли слова в этом процессе определяется актуальность настоящей диссертации.

Научная новизна и основные задачи. Научная новизна данной работы заключается в том, что главный акцент делается не на описании, систематизации и анализе форм исторического поведения, отраженных в прозе, или свойственных определенному историческому времени и запечатленных литературой человеческих типов (хотя необходимость такой работы трудно оспаривать), а на том, как их языковое описание, совершаемое прозой, соотносится с породившей их внеязыковой ситуацией, т.е. в каких художественных формах - и почему именно в них и именно в данный исторический момент - происходила столь необходимая человеку рефлексия и какую глубинную его потребность она удовлетворяла.

Делается попытка осмыслить развитие польской межвоенной прозы в более широком контексте современного знания о человеке.

Методологической основой диссертации являются труды российских и зарубежных теоретиков и историков литературы и культуры XX века.

-
1. Eustachiewicz L. Miedzy współczesnością a historią. W., 1973; Dwudziestolecie, 1919-1939. W., 1982.
 2. Maciąg W. Nasz wiek XX. W., 1992.
 3. Kwiatkowski J. Literatura dwudziestolecia. W., 1990.
 4. Kunczewicz P. Agonia i nadzieja. Literatura polska od 1918. T.1, W., 1991.

Научно-практическая ценность данной работы заключается в том, что ее материалы могут быть использованы в общих и специальных курсах по истории польской литературы.

Апробация. Основные положения диссертации были изложены в статьях "Польская психологическая проза межвоенного двадцатилетия" (в печати в журнале "Славяноведение") и "Польская проза межвоенного периода: время и пространство как структурные опоры ее психологического языка" (депонирована в ИНИОН РАН). Проблема психологизма также была рассмотрена в опубликованном докладе "К вопросу о "смысловых вариациях" романа Анджея Щиперского "Начало, или Прекрасная пани Зайденман" ("Славяноведение", 1995, N 5).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав (вторая разделена на шесть разделов, имеющих заголовки), заключения и списка литературы.

Во **"Введении"** уточняются параметры понятия "психологическая проза" применительно к XX веку. Объектом изучения в этот период оказываются не те или иные свойства психики, формы ее проявления, как бы отделенные в своей функции от конкретного человека, а сам деятельный, общающийся, чувствующий человек, чья деятельность - в том числе душевная и духовная - неотделима от исторического контекста. Это то, что всегда было предметом внимания литературы.

Изучая человека в непрерывном историческом процессе, а значит и в пределах его всегда ограниченного знания о себе самом, фиксируя конкретные проявления его душевной жизни, литература нередко давала мощные импульсы науке.

Хотя категоричность высказывания по этому поводу Р.Барта ("... все нынешние открытия наук, будь то социология, психология, психиатрия, лингвистика и т.д., были известны литературе всегда; разница лишь в том, что они в ней не говорились, а писались", 1), строго исторически, может быть, и можно оспаривать, но по существу самого механизма познания оно бесспорно: "вначале" действительно всегда оказывается психология, выражающая себя в написанном слове и через слово, которое само - по природе своей - всегда психологично.

1. Барт Р. От науки к литературе. // Р.Барт. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994. с.383.

Поэтому и понятие "психологическая проза" следует рассматривать с точки зрения того, сколько знания о деятельном, чувствующем, общающемся человеке удастся в тот или иной исторический момент "накрыть словом" (1), и как такое слово становится новым знанием о человеке.

Если именно психика - как системное свойство - обеспечивает приспособляемость человека к условиям существования **через** механизм **переживания** (т.е. неотчужденной формы реагирования и построения картины мира) и **самонаблюдения, саморегуляции поведения**, то понятно, **какая** нагрузка падает на психологизм - как осознанный человеком уровень знаний о самом себе - именно в XX веке.

Важно при этом отдавать себе отчет и в исторически меняющемся **характере** соотношения присущей той или иной эпохе концепции личности (куда входят представление о менталитете, бытующие стереотипы и образцы поведения и чувствования, система приоритетов, механизмы самооценки) и ее художественным изображением. Но при этом следует учитывать, что концептуальные перемены осмысливаются обычно скачкообразно, "эстетическая же деятельность совершается в сознании человека непрерывно" (2). Это фиксирует, в частности, и литературный процесс, в живом нерасчлененном потоке которого всегда взаимодействуют промежуточные (документальные) жанры словесного искусства и, собственно художественная литература (с разной степенью структурности).

В межвоенное двадцатилетие особенно интенсивно идет процесс интеграции славянских литератур в общемировое движение художественной мысли. Этот феномен может быть сегодня осмыслен не только на разных уровнях традиционного для литературоведения описания жанрово-стилистических особенностей той или иной славянской литературы, но и в более широком контексте современного знания о человеке. Это даст и более объективное представление о соотношении масштабов славянских литератур в общемировом литературном пространстве и о реальности идущего в XX веке процесса культурной интеграции.

1. Гинзбург Л. О психологической прозе. Л., 1977, с.4.

2. Там же . с.6.

Речь, в частности, должна идти о том, что само направление художественного развития внутри каждой культуры всегда сложно связано с тем, что психологи и культурологи называют "исторической психикой человека", в которой представлены и упорядочены события прошлого, настоящего и будущего. Как особая система она сама существует в реальности общемирового историко-психологического и историко-культурного пространства.

Такое сложное взаимодействие психологического и художественного в их многоступенчатой исторической взаимомотивированности и образует национально-культурный менталитет, выражением которого оказывается искусство. В литературе же, единственным инструментом которой является язык, он закрепляется в особым образом структурированном **слове**.

Но то же слово в своей художественной функции - на высших уровнях своего развития - "работает" не только на национальную, но и на общечеловеческую духовность.

Важно поэтому увидеть, как именно складываются в тот или иной момент психологический и художественный строй - психология и слово, - т.е. реально существующие тексты, и как они соотносятся с общим историко-культурным контекстом.

Конечно, психологический фактор сам по себе не является в литературном процессе неким абсолютом, хотя всегда оказывается первым и решающим импульсом к самой потребности выразить в слове то или иное переживание эпохи.

Но и само переживание, становящееся явной или скрытой темой творчества (рефлексии) - всегда ипостась психологии (при том, что будучи по своей природе и функции изначально физиологично, социологично и исторично, оно обретает **структуру**, лишь становясь **текстом**).

Литературный процесс - как взаимосвязь и движение образующих его текстов - неизменно следует еще и имманентным законам развития. И тем не менее "психологическое измерение художественного, как и художественное измерение психологического" действительно способно "пролить свет на важнейшие этапы в развитии человека" - на "движение приоритетов его жизни" и самый "характер художественного восприятия и мышления" (1).

1. Кривцун О.А. Историческая психология и художественный процесс. // Психологический журнал, 1990, т.П, N 5, с.87.

Следует помнить, что литература представляет один из интеллектуальных языков, выработанных в процессе эволюции, в конечном счете, именно для сохранения и развития человечества как "родовой общности".

Психологизм при этом становится своего рода "набором инструментов" - системой художественных приемов, с помощью которых в литературе идет "отслеживание" и анализ новых для нее переживаний.

Обретение чувства новой реальности после 1918 года было для Польши насущной потребностью национального сознания и каждого личного самоощущения. И главную роль при этом играла именно литература - как осознающее себя самое слово о жизни.

Польская литература этого периода существовала в достаточно непросто - для инерции собственной национальной традиции - общемировом художественном контексте.

В широком гео-культурном пространстве она видится как литература сложно перекрещивающихся художественных влияний и взаимодействий, с разной интенсивностью питавших ее и создававших напряженное поле эстетических "притяжений" и "отталкиваний".

Разные жанровые и стилистические пласты, составляющие польскую прозу этого периода, естественно связаны с той или иной литературной тенденцией или традицией либо прямой ориентацией читательского восприятия на определенный жанровый тип, узнаваемую типологию персонажа или прием, либо расчетом на более сложные историко-культурные, историко-бытовые аллюзии, включающиеся как бы в их содержание (черта культурного мышления XX века).

Польская проза межвоенного двадцатилетия создавалась, а затем функционировала "в присутствии" в общем культурном сознании двадцатых-тридцатых годов тех образцов европейской прозы, которые не только изменили самый ее лик, но и представления о возможностях слова.

Из осознания логики этих процессов вытекает возможность осмыслить степень включенности опыта польской психологической прозы межвоенного двадцатилетия в общемировое художественное пространство.

Во введении дается обоснование временных границ периода (1918-1939) и этапов внутри него (1918-1926, 1926-1932, 1932-1939), а также дается обзор исследований, связанных с темой диссертации.

Первая глава называется "**Проблема концепции личности в контексте тематического и фабульного ее обновления**". В ней прослеживается смена тематики психологической прозы, с разной степенью глубины, объективности и оперативности фиксировавшей внеязыковые изменения.

Психологическая проза межвоенного двадцатилетия - особенно в первой половине этого этапа - не была принципиально противопоставлена традициям Молодой Польши. Именно из его результатов она выбирала для себя кратчайший, как казалось, путь к общеевропейскому уровню того специфического знания о человеке, которое несла литература. В двадцатые годы, пережив глобальный переворот на уровне бытия и сознания, человек внезапно оказался во многом непонятен сам себе - уже не как носитель метафизических тайн, а прежде всего как существо с глубоко скрытыми механизмами реагирования. Обращаясь к внутреннему опыту человека, значимость которого теперь становилась пропорциональной степени его драматичности, литература стремилась эти механизмы обнажить и объяснить.

Политическая ситуация послевоенной Польши резко изменила социальную структуру общества, национальное и личное самоощущение, характер и частотность житейских коллизий, приоритеты. Поэтому прежде всего, в поле зрения прозы - по сравнению с предшествующим периодом - оказался во многом иной, чем прежде, набор жизненных коллизий, связанных с новой политической ситуацией.

Кроме того, существенным отличием был отход от сверхэмоциональности и пафоса (в работе отмечены психологические причины этого явления), что вело, с одной стороны, к более глубокому психологическому анализу, с другой - к **развитию** гротеска.

Несомненно, этой тенденции способствовала, помимо других факторов внутренняя необходимость осмыслить, прежде всего, еще свежий **военный опыт**: война присутствует в этот период у писателей всех поколений.

Здесь отмечается специфика польского восприятия первой мировой войны, более позднее по сравнению с западноевропейской литературой проникновение в прозу пацифистских мотивов, интерес прозы не столько к самим военным действиям, сколько к постановке проблематики войны в аспекте психологии или этики проза А.Струга (1871-1937), К.Вежиньского (1894-1969), Ст.Рембека (1901-1985), Е.Завейского (1902-1969), З.Налковской (1884-1954) и др. Возникает устойчивый интерес к поведению человека в пограничных ситуациях опасности, страха, ответственности. В тридцатые годы военный опыт используется и для постановки чисто экзистенциальных вопросов (романы Т.Кудлиньского и Е.Коссовского), с одной стороны, или как материал для массовой литературы (проза П.Хойновского, 1885-1935), с другой.

Необходимое психике человека, травмированной войной, возвращение к заботам жизни выразилось в интересе к **повседневности**, возросшем к концу двадцатых и достигшего пика в тридцатые годы - прежде всего, в творчестве группы "Предместье", романе М.Домбровской (1892-1965) "Ночи и дни" (1932).

С конца двадцатых годов наблюдается интерес прозы к реалиям и психологическим проблемам **отдельных социальных кругов**, еще вчера остававшихся как бы в тени великих исторических событий: "Страхи" (1938) М.Укневской (1907-1962), "Святая кухарка" (1930) В.Мельцер (1896-1972), "Люди оттуда" (1926) М.Домбровской и др. Сверхзадачей же автора, как правило, оказывается стремление показать не экзотичность мира и чувств представителя той или иной среды, а то, что своим стремлением к счастью и вечными проблемами он похож на читателя.

Т.о., эта проза выполняет задачу непосредственного освоения новых реалий, типичных психологических схем, то есть своеобразной "подготовки" к возможному в будущем осознанию этой реальности как части исторического процесса. Не только группа "Предместье", программно ориентированная на своего рода социологически-психологическое исследование по образцу Э.Золя и Б.Пруса, но и **ранний** Е.Анджеевский (1909-1983), П.Гоявичиньская (1896-1963), Ст.Пентак (1909-1964), отчасти Я.Ивашкевич (1894-1980) - на различном художественном уровне "набирают материал" для будущего художественного синтеза.

В этих условиях - в отличие от предшествующего периода - прозу привлекает не исключительность ее героя, а усреднен-

ность. Не только программно серый человек "Предместья", но и герои писателей, обращавшихся к значительно более сложным психологическим проблемам, чаще всего не наделены ни особым художественным даром, ни внутренним голосом.

Сразу же после обретения Польшей независимости эта тенденция - конкретность и непосредственность наблюдений и переживаний, обращение к повседневности - проявляется, в первую очередь, в поэзии. Проза же на этом этапе пытается разобратся в механизмах человеческого поведения, применяя к "усредненным" героям те знания о человеческой психологии, которые частично уже были отработаны Молодой Польшей.

В этой главе рассматриваются **основные варианты концепции личности**, ставшие популярными в межвоенной психологической прозе и связанные с ними фабульные решения.

Идеи Бергсона о динамике личности во времени, Фрейда о подсознательном, концепции Шопенгауэра, Ницше, Джеймса (а в 1934 году появилась работа польского социолога Ф.Знанецкого, где автор, подобно Джеймсу, формулирует теорию общественных ролей, 1), а также уже наработанные литературой приемы рассмотрения человека, опосредованно влияли на всю польскую прозу. Но наиболее ярко они реализовались в межвоенное двадцатилетие в творчестве Э.Налковской, М.Хороманьского /1904-1972/, М.Кунцевич /1899-1989/, Я.Ивашкевича, А.Стерна.

Далее проводится сопоставление концепций личности в творчестве Налковской, Хороманьского и Ивашкевича как образцов наиболее распространенных в польской межвоенной психологической прозе подходов к человеку и рассматривается непосредственно вытекающая из них **тема одиночества** и поиск адекватной ей художественной формы.

В том или ином виде этот мотив встречается практически во всех анализируемых в диссертации произведениях. Но в прозе Э.Налковской, Т.Брезы (1905-1970), Я.Ивашкевича, М.Кунцевич - это изначальное состояние "чуждости" окружению, мучительное и непреодолимое, связанное чаще всего с невозможностью войти в некую среду одновременно со стремлением освободиться от нее. Т.Брежа облекает тему одиночества в наиболее адекватную

1. Znaniecki F. Ludzie terazniejsi a cywilizacja przyszłości. W., 1934.

этому состоянию форму: писатель прибегает к методу бихевиоризма, популярному в тридцатые годы в науке и литературе.

В связи с темой одиночества анализируется межвоенная проза В. Гомбровича (1904-1969), создающего образ героя, представляющего для самого себя замкнутую систему. Однако осознание мизерности собственного "я" в конфронтации с феноменом культуры и цивилизации рождает и потребность в **контакте** с людьми, подтверждения себя самого путем отражения в сознании окружающих.

Далее в связи с проблемой человеческой незрелости и непреодолимой чуждости окружающему миру рассматривается **в прозе "поколения '1910"** как закономерная литературно-психологическая реакция на внеязыковую ситуацию Польши этого периода (первое поколение, взрослевшее уже в независимом государстве, наиболее болезненно испытало на себе и многие его социальные и психологические проблемы).

Очевидно, здесь можно говорить об особом интересе польской прозы к психологическому феномену **потери мотивации** - типу социального стресса. Выделяются повторяющиеся ситуационные и психологические схемы: неизлечимая болезнь как метафора органической неприспособленности к жизни, параллельное развитие нескольких сходных судеб, крах попытки "пробиться" вверх по социальной лестнице, любовная нереализованность, комплекс по отношению к старшему поколению, беспомощность по отношению к собственной психике, ощущение себя представителями поколения, интерес к самоубийству.

Очевидно при этом то, что **невозможность** или непреодолимая затрудненность **самореализации** в этот период принимает масштабы жизненной концепции: таков удел человека в современном мире. Характерно, что этот мотив возникает не только у представителей младшего поколения.

Тема конца жизни явственно звучит в польской прозе тридцатых годов, в некоторых случаях определяя и специфическое построение повествования.

Тема ожидания смерти и своеобразной "адаптации" к этому состоянию неразрывно связана с темой памяти в целом. Прием усиления слабеющей субъективности через воспоминание широко используется в прозе этого времени - очевидно, не без влияния романа Пруста, переведенного в Польше в 1937-1939 гг.

(романы Е. Богушевой /1886-1978/, "Вся жизнь Сабины", 1934, и М. Кунцевич "Чужеземка", 1936). Е. Анджеевский же обращается к памяти-судье, лишаящей человека внутреннего покоя ("Покой сердца", 1938).

Как было показано, с "поколением 1910" в прозу возвращается "исключительный" герой - человек, обладающий повышенной чувствительностью, склонностью к рефлексии, часто это писатель. Если **тема юности** в творчестве Зб. Униловского (1909-1937), А. Рудницкого (р. 1912) и других молодых писателей подана в нетрадиционном, антиромантическом ракурсе, то распространенный в межвоенный период роман воспитания трактует эту тему в более традиционном ракурсе. Как и в прозе собственно о детстве, здесь выделяются две точки зрения на место детских впечатлений в человеческой жизни: "идиллическая" (большинство романов) и "постфрейдистская" ("Ненасытимость", 1930, Ст. Виткевича, 1885-1939).

Особо рассматривается так называемый **"портрет художника в юности"**, основной темой которого оказывается эстетическое становление молодого человека.

Проза Б. Шульца (1892-1942) анализируется в ее тесной связи с концепцией сюрреализма, для которого важны были именно детские переживания - плод работы воображения и реальности, снов, аллюзий, предчувствий. Читатель видит мир через призму субъективной интерпретации действительности мифологизированным детским сознанием.

Этот утвердившийся в литературе психологический стереотип восприятия детства как некой позитивной ценности, возвращение к которой возможно и необходимо для человека (Пруст и его всевозможные последователи) отвергает В. Гомбрович. Юность для него ассоциируется прежде всего с **незрелостью**. Кроме того, писатель в гротескной форме поднимает проблему неснимаемого конфликта детей и родителей, к которому **обращались** и роман воспитания, и М. Кунцевич, А. Тарн, З. Налковская, А. Стерн. т.о., то, что позже стало бытовым психологическим **знанием** вошло в польскую межвоенную прозу в виде отдельных мотивов и воплотилось в самостоятельных художественных конструкциях.

Тема любви в межвоенной польской прозе рассматривается, прежде всего, с точки зрения изменения мотивировки и - как

ее следствие - представления о происхождении и роли этого чувства в человеческой судьбе.

Здесь выделяются несколько типов концепции любви и прослеживается их связь с решением проблемы познаваемости человека: традиционная, характерная для романтизма и неоромантизма, концепция любви как возможного жизненного стержня (А.Рудницкий, Я.Ивашкевич, И.Кшивицкая, р.1904); тесно связанная с натурализмом, идея любви-фатума, таинственного двигателя человеческих поступков, чаще всего приводящего к трагедии (П.Гоявичинская, З.Налковская, М.Хороманьский); идея невозможности истинной любви, корни которой лежат в биологической концепции человека (М.Хороманьский, П.Гоявичинская).

Далее рассматривается отражение в польской психологической прозе проблемы антагонизма полов, особенно популярной в европейской литературе рубежа веков, а в межвоенное двадцатилетие в Польше наиболее отчетливо поставленной Ст.Виткевичем, Я.Ивашкевичем, Б.Шульцем, М.Хороманьским.

В заключение рассматривается межвоенная женская проза "второго ряда", с одной стороны, сильнее всего "питавшая" читательское массовое сознание, с другой - нередко первая бравшаяся за "назревшие" темы.

Польская проза, как это очевидно из сказанного, в межвоенное двадцатилетие ввела в общее сознание новые темы, отвечающие новой исторической реальности. Обновление литературной тематики - особенно в переломный момент - связано с вниманием к определенным коллизиям: в изменившихся условиях человек должен, прежде всего, выработать оптимальную линию поведения, сформировать свое отношение к миру - в частности, с помощью литературы. Литература - в конфликтах, наборе героев, в форме отношения к той реальности, которая попадает в поле ее зрения - дает образцы того, как происходит эта адаптация.

Отношение, навязываемое литературой и переживаемое читателем, способствует быстрому или медленному изменению мироощущенческих стереотипов, представлений, то есть влияет на менталитет, а кроме того - художественными средствами формирует в обществе новый психологический язык.

Вторая глава ("Поэтика и психологический язык") посвящена поэтике польской межвоенной психологической прозы.

Литература создает особую художественную символику, дающую человеку возможность переживать и оценивать ее "психологические построения". Т.о. психологический язык, который она вырабатывает своими средствами (способами изображения) - это уникальный по своей природе и универсальный по выполняемым информационным задачам аппарат для отношений человека и собой и структурирования их в адекватные художественные формы языкового описания.

Глава включает в себя шесть разделов.

В разделе "**Время**" рассматриваются основные тенденции в организации временной структуры психологической прозы Польши 1918-1939гг.

Как показывает анализ, время предстало человеку как величина, зависящая от его психического состояния.

В работе рассматриваются внешние приемы, осваивавшиеся польской прозой в этот период: **ретроспекции, хронологические петли, прием симультанизма** (термины К.Яковской), **принципиального несовпадения психологического времени** героев, ритма этапов жизни одного и того же человека и пр.

Анализируются основные типы мотивировки ретроспекции (ассоциациями героя, заданным тезисом и т.д.) и роль принципиально немотивированной инверсии. Ретроспекция широко использовалась как способ характеристики психики героя, исследования причин психических срывов, демонстрации фатализма человеческой судьбы, иллюзорности мифов памяти. Немотивированная же инверсия служила созданию напряжения, эффекта сенсации.

О сознательном интересе к проблемам времени как такового свидетельствует и прием повторения определенных эпизодов (романы Е.Богушевской, Т.Пайпера /1891-1969/, А.Рудницкого), симультанизма (повторное переживание того же самого момента у Б.Шульца, А.Тарна).

Далее специально рассматриваются два специфических типа времени, использовавшихся в межвоенной польской психологической прозе: время семейной хроники и авантюрное время.

Польская проза, развивавшаяся - как часть европейской литературы "в присутствии" эстетики Пруста и Джойса, "демократизировала" их приемы и дала мировой культуре свой вариант от-

ношений с временем. Она ввела обыденное сознание в круг новых переживаний межсобытийных связей, их содержания как сложной системы, так же, как сами события и интервалы, входящих в существенную переменную времени.

Следующий раздел посвящен анализу наиболее значимых типов пространства. Особое внимание уделяется доминирующей его форме: **дом, сад, парк детства** (в этих образах, прежде всего пространство материализуется, переживается и осмысливается для человека как **лично значимое**). Отмечается, что в межвоенное двадцатилетие акцент постепенно переносится с переживания дома как символа Польши на дом, как место, где формируется психика и судьба.

В прозе двадцатилетия используется и мотив **изменения психологической "окрашенности" пространства**. Оставаясь объективно неизменным, оно обретает свою психологическую изменчивость и значимость.

Проележивается связь темы дома с мотивами **бегства-возвращения, путешествия, прогулки, лабиринта** и анализируется различная их трактовка.

Пространство более узкого и более личного дома - **комнаты** - оказывается значимым как оппозиция мира своего и чужого. В прозе "поколения '1910" пространство комнаты превращается в метафору.

Рассматриваются и **психологические преграды - дверь и окно**, играющие немаловажную роль в поэтике межвоенной прозы.

Межвоенная польская проза охотно использует пространство **санатория и больницы**, сходное по роли с пространством **салона**: это точка пересечения пространственных и временных рядов. Вместе с тем пространство гостиной может иметь и чисто психологическое значение, символизируя искусственный стиль общения, присутствие "маски".

В заключение анализируются противопоставляемые пространства: **своего и чужого города, города и села, города и природы**.

С переживанием новой пространственно-временной структуры связано и принципиально иное, чем прежде, понимание роли сновидений и памяти в человеческой жизни. Этой проблеме посвящен раздел **"Сновидение и память"**.

По законам сна (где отсутствуют разрушающие его смех и удивление) построена проза Б.Шульца, явление синхронное и конгениальное Ф.Кафке. Видимое им понимается как некая параллельная обыденной реальность, имеющая сходный со сновидением механизм ассоциаций. Она строится на бесчисленных ярких деталях сна, порождаемых такими же бесконечными возможностями сочетаний пережитых в прошлом мгновений.

В большинстве же произведений сон представлен как эпизод, отчуждаемый от дневной реальности - ее времени, логики, но глубинно связанный с ней: сны, понимаемые как процесс закрепощения подсознания, встречаются у Я.Ивашкевича, З.Налковской, Зб.Грабовского (1903-1972), А.Рудницкого, в романе воспитания.

Рассматривается и обращение психологической прозы этого периода (романы М.Кунцевич, рассказы Я.Ивашкевича, Е.Анджеевского, роман воспитания) к известному психиатрии феномену подчинения психики возрастающей психической силе нереализованного желания.

Актуальным для польской прозы межвоенного периода оказалось формирование новой психологической установки на самоэстетическое переживание. Тема обращения к искусству как необходимому средству решения собственных психологических проблем неоднократно возникает в польской межвоенной прозе. Именно здесь часто появляется мотив "вариантности" судьбы.

В разделе "**Символика**" анализируется меняющийся характер метафоры и символов в языке психологической прозы, падающая на них смысловая нагрузка. Метафора и символ оказываются самой емкой и содержательной микромоделью личного видения.

В этом разделе подробно рассматриваются разнообразные варианты использования символических и метафорических заглавий, говорящих имен и фамилий, цветовой, пейзажной и анатомической (В.Гомбрович) символика, а также совершенно уникального явления - "осуществления" метафоры в творчестве Б.Шульца. В основе его лежит сложный сплав изощренного художнического видения, ассимилировавшего все известные на тот момент живописные языки, вечного присутствия в человеке его детства.

В разделе **"Проблемы повествования"** особое внимание уделяется соотношению автора и повествователя в повествовательной системе. Рассматривается феномен польской персоналистской критики тридцатых годов (требовавшей авторской оценки героя, целостности в изображении человека), проводится параллель с тенденцией к эмансипации героя из-под власти автора в европейских литературах.

Польская психологическая проза, формируя необходимую ей установку на человечность как главный критерий меры художественности, использовала самые разные способы построения повествования, соединяя в разных комбинациях формы композиции XIX в. с экспериментом XX в., создавая тем самым единое в переживании этическое, психологическое, эстетическое пространство.

Рассматриваются различные **метатекстовые элементы**: название, эпиграф, посвящение, эпилог, пролог, цитирование, авторские сентенции, эффект документализации, различные роли повествователя (индивидуализированного с точки зрения стиля "рассказчика из среды", наблюдателя и комментатора с ограниченным, роль всезнающего повествователя, автора текста).

Конструируя так или иначе повествование, т.е. представляя - своими способами - множественность "решений" этой задачи она, по сути преодолевала свойственную прежнему видению неполноту и противоречивость в переживании внешнего к внутреннему мира, их причинных связей и места человека в мироздании.

В заключительном разделе второй главы (**"Жанровая структура"**) не ставится задача полного описания жанровых особенностей всех составляющих польскую психологическую прозу этого периода текстов. Делается попытка определить основные типологические моменты, когда самый "феномен сознания или подсознания", попадая в поле зрения польской прозы, оказывается структурообразующим элементом психологизма, изменяя традиционный жанр.

Панорама польского психологического романа представлена **романом одного героя, романом воспитания, романом одной проблемы, романом идеи, бытовым романом, семейным романом-эпопеей, любовным романом, военным романом с интригой.**

Деление это достаточно условно, хотя бы потому, что самый жанр психологического романа двадцатого века является нам в таком множестве обликов, что практически не может быть отграничен - в силу хотя бы уровня современного психологического знания человека о самом себе - от романов других жанров.

Как всегда в переломный период, популярен наиболее мобильный жанр - рассказ, построенный на эпизоде, случае, значимом для героев (рассказы З.Налковской, Я.Ивашкевича, М.Домбровской, М.Хороманьского, К.Вежиньского, Э.Наглеровой).

Роман в рассказах, ("Коричные магазины", 1934 и "Санатория под клепсидрой", 1937 Б.Шульца, "Дневник периода созревания", 1933, В.Гомбровича), **роман-повесть** (проза "поколения '1910"), **рассказ-повесть** (Я.Ивашкевич), характерные для польской психологической прозы этого периода - все это жанровые поиски сложно отражают изменения, происходящие в самом характере переживания и осмысления жизни.

В **"Заключении"** подводятся основные итоги исследования.

Основной сверхзадачей психологической прозы межвоенного двадцатилетия, в новой политической ситуации получившей "доступ" к самопроизвольно возникающему конфликту и герою, могущему представлять лишь самого себя, стала рефлексия над мотивацией и степенью свободы поведения человека. Философской базой для нее оказываются в этот период концепции Бергсона, Шопенгауэра, Ницше, Джеймса, Флориана Знанецкого, психологической Фрейд и Юнг, литературной - польский модернизм.

Меняется в этот период набор жизненных коллизий. Кроме того, вследствие изменения политического и психологического климата меняется к концу двадцатых и достигает противоположности в тридцатые сама психологическая установка - от пафоса к конкретике повседневности, к принципиально обычному герою. В поле рефлексии прозы оказывается и сама смена иерархии ценностей.

Бытовая, семейная, любовная проза, роман о детстве и роман воспитания развиваются в двух, питающих друг друга, направлениях: социально-психологические исследования, фиксирующие новые бытовые и психологические реалии времени и проза, стремящаяся выстроить собственную философско-психологическую систему и представить в ней те же реалии.

В тридцатые годы в прозе "поколения '1910" происходит возвращение к интеллектуальному, но нереализовавшемуся герою.

На это же время приходится расцвет прозы, в той или иной мере "моделирующей" поведение человека. В результате разнообразных психоаналитических, бихевиористских исследований, основывающихся на концепции роли, дуализма личности, игры, **маски**, власти инстинкта, характера, памяти и прошлого (романы З.Налковской, А.Стерна, А.Тарна, М.Хороманьского, Т.Брезы) межвоенная проза приходит к идее непознаваемости и замкнутости человека. Отсюда необыкновенная популярность темы одиночества.

Тридцатые годы - время национально-политической напряженности, экономического кризиса, ощущения нестабильности жизни **приносят** в польскую психологическую прозу наиболее мрачное видение мира и человеческой судьбы в нем. Предметом рефлексии все чаще становится смерть, память и безнадежные попытки повернуть время, затрудненность или невозможность реализации.

Т.о., польская проза в межвоенное двадцатилетие не только вводит новые темы, но и **подходит** к человеческой психологии с новым инструментом, **на различных** художественных уровнях выработывая адекватный современному ей пониманию личности психологический язык. Осваивая новую для своего исторического бытия пространственно-временную структуру мира, польская психологическая проза межвоенного периода готовила психологический язык для осознания многовариантности бытия, переживания свободы и риска выбора и по-новому представляющей в этой системе этической ответственности человека.

Особый интерес вызывает широкое использование ретроспекции и хронологической петли, мотивируемые законами ассоциаций или необходимостью заинтриговать читателя, конструкции; связанные с сужением реального настоящего фабулы и интенсификацией самого переживания времени за счет памяти.

Основными "ролями" пространства в психологической прозе этого периода оказывается передача гармонии или ее отсутствие в отношениях с миром и акцентировка проблемы своего и чужого психологического пространства в человеческой жизни.

Освоение новой пространственно-временной структуры влечет за собой и иной, чем прежде, взгляд на роль сновидений и

памяти в человеческой жизни. Широко распространяется концепция сна как процесса, актуализирующего весь внутренний опыт человека. Межвоенная проза обращается и к своеобразным пограничным состояниям, служащим реализации заблокированных желаний. Актуальным для польской прозы межвоенного периода оказывается и формирование новой психологической установки на само эстетическое переживание: оно нередко трактуется как своего рода психотерапевтическое средство.

В межвоенный период в значительной степени меняется характер метафоры и символов в языке психологической прозы - лежащая на них смысловая нагрузка. Метафора и символ оказывают моделью личного видения: они широко входят в заглавия, определяют выбор имени и главенствующих в произведении цветов. В творчестве Б.Шульца мы сталкиваемся с приемом буквальной реализации метафоры.

Польская межвоенная проза как часть европейской литературы переживала в рамках собственных исторических условий общий для западного мышления процесс формирования новых представлений о реальности и нового типа ее переживания.

Демонстрируя с помощью различных повествовательных конструкций множественность "решений" этой задачи - она преодолевала свойственную прежнему видению неполноту и противоречивость в переживании внешнего к внутреннему мира, связей и места человека в мироздании.

Польская психологическая проза межвоенного двадцатилетия в той или иной мере усвоила основные разновидности жанров, имевшихся в европейской прозе, естественно, применительно к собственным историческим нуждам.

Далее кратко прослеживается связь межвоенной психологической прозы с послевоенной.

Литература формирует особый развивающийся психологический язык для выражения, передачи и понимания сложнейшей психологической информации, заключающейся в формах и мотивах поведения внешних и внутренних конфликтах, переживаемых человеком, в частности, конфликтах между осознанными и неосознанными эмоциями, в реакциях на усложнение и изменение

объектов реальности, вызывающих эмоциональное к себе отношение. Она, таким образом, дает **внешнее** выражение ключевых для времени эмоций.

Язык литературы - в частности, язык психологической прозы - несравненно больше, чем обычный язык, насыщен семантически и приспособлен к передаче сложных смысловых структур. Психологическая проза в каждый данный момент истории как бы работает на "покрытие" дефицита эмоциональной сферы. Вводя новый материал жизни в культурное сознание - новые темы, новые коллизии, новых героев - она не просто переводит недифференцированные чувственные и интеллектуальные переживания в упорядоченную структуру, но создает особые средства для описания и понимания этих переживаний и готовит общее сознание к приему новых художественных средств.

Опыт польской прозы межвоенного двадцатилетия, введенной в общее сознание новые темы, отвечавшие новой исторической реальности, интересен в масштабах европейской литературы именно этим. Среднестатистический человек в изменившихся условиях должен, прежде всего, выработать оптимальную линию поведения и чувствования, т.е. сформировать свое отношение к миру - не без помощи "зеркала литературы".

Проза давала ему - в конфликтах, наборе героев, форме отношения к реальности - образцы того, как происходит подобная психологическая адаптация. Отношение к жизни и ее болевым точкам, "навязываемое" литературой и переживаемое читателем, способствовало быстрому или медленному, но неизбежному изменению мироощущенческих стереотипов и представлений, т.е. влияло на менталитет. И самое главное - художественными средствами она формировала в обществе новый психологический язык.

Важно не то, насколько совпадают направления европейской психологии с теми или иными произведениями польской литературы. Нам представляется, что главное, что было сделано польской психологической прозой межвоенного двадцатилетия в области психологического языка - созданный ею уровень самой возможности эстетического переживания.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. "К вопросу о "смысловых вариациях" романа Анджея Щиперского "Начало, или Прекрасная пани Зайденман". // "Славяноведение", 1995, N 5.
2. "Польская психологическая проза межвоенного двадцатилетия". В печати в журнале "Славяноведение".
3. "Польская проза межвоенного периода: время и пространство как структурные опоры ее психологического языка" (депонирована в ИНИОН РАН *MSD860*).

of 26.10.95

Заказ 386

Тираж 100

Типография МНПО «НИОПИК», 3-й Неглиный пер., д. 5

Заказ 386

Тираж 100

Типография МНПО «НИОПИК», 3-й Неглинный пер., д. 5